

ББК 60.542.15

С.Г. Максимова, О.Е. Ноянзина, Д.А. Омельченко, Н.П. Гончарова

К обоснованию модели взаимообусловленности социальных рисков, девиаций и социальной безопасности*

S.G. Maksimova, O.E. Noyanzina, D.A. Omelchenko, N.P. Gonchrova

To the Explanation of the Model of Interdependence of Social Risks, Deviations and Social Security

Представлена концептуальная модель взаимосвязи и взаимообусловленности социальных рисков, девиаций и социальной безопасности, которая реализуется на основе социального механизма обеспечения социальной безопасности в контексте рассмотрения социальных рисков воспроизводства девиаций.

Комплексное социологическое исследование взаимосвязи и взаимообусловленности обладает значительным потенциалом для построения новых концептуально-теоретических и эмпирических моделей и может использоваться для анализа других проблем, касающихся социального здоровья, социальных патологий и девиаций.

Ключевые слова: концептуальная модель, социальные риски, девиации, социальная безопасность, социальный механизм.

Проблема социального развития является одним из фундаментальных вопросов социологии. По-видимому, можно утверждать, что одной из причин выделения социологии из социальной философии является потребность в осмыслении фундаментальных преобразований, глубоко затронувших традиционное общество, его основы. В разные периоды времени изменения во многих сферах приобретают различное значение, а их изучение составляет ядро социологического анализа социальных изменений [1].

Современное состояние общества наиболее часто демонстрирует те социальные изменения, которые часто связаны с сочетанием понятий «угроза», «опасность», «риск». Конец XX в. показал, что главный итог ушедшего столетия — не огромные технические достижения, а возникновение новых рисков и угроз [2].

Вопрос о соотношении понятий «опасность» и «угроза» решается в зависимости от выбранной методологии исследования, а также от того, какое теоретическое основание заложено в ту или иную парадигму понятия «безопасность» [3].

The model of interaction and interdependence of social risks, deviations and social security is presented in the article. The model is realized basing on social mechanism of providing social security in the context of risks of reproduction of deviations.

Complex sociological research on the given problems have considerable potential in building a new conceptual theoretical and empirical models and can be used in analysis of problems related to social health, social pathologies and deviations.

Key words: conceptual model, social risks, deviations, social security, social mechanism.

Угрозы — это факты, условия, процессы, отражающие существующие в государстве, обществе, международных отношениях противоречия. Эти противоречия выражаются в конфликтном противоборстве различных политических сил, геополитических интересах государств, социальных групп, внутри сложных систем и посягают на жизненно-важные интересы того или иного объекта безопасности [4].

Опасности — это возможные или реальные явления, события и процессы, способные нанести частичный вред или даже уничтожить человека, социальную группу, народ, общество и государство, нанести ущерб их благополучию, разрушить материальные, духовные или природные ценности, вызвать деградацию, закрыть путь к развитию нации в целом [3].

Опасность способна приобретать различные формы. Весьма часто она выступает как намерения, планы, подготовка действий, а также сами действия одних субъектов против других в целях уничтожения, ограбления, подчинения, закабаления, ослабления, уничтоже-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ, проект «Социальная безопасность региональных социумов: концептуальный анализ» (2012–2014 гг.); ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., государственный контракт №14.В37.21.0270 «Демографическая безопасность приграничных регионов современной России: проблемы старения и миграции» (2012–2013 гг.); гранта РГНФ №12-03-00301 «Трансформация социальной безопасности региональных социумов в контексте распространения «социальных болезней» в современной России» (2012–2014 гг.).

ния и т. д. Другой формой опасности выступает такое действие людей, групп, обществ и государств, как *риск*.

Риски постоянно производятся обществом, причем это производство легитимное, осуществляемое во всех сферах его жизнедеятельности [5; 6].

Опираясь на концепцию У. Бека, Э. Гидденс (Giddens, 1990) отмечает, что понятие риска (как ключевой характеристики социальной жизни) в практическом сознании людей приходит на смену понятия «судьба» и становится центральным в обществе, которое открывается проблематичному будущему. Экзистенциальная тревога становится устойчивым фоном жизнедеятельности индивида.

Общество риска — это общество катастроф, в котором чрезвычайное положение грозит стать нормой жизни, а зло становится тривиально повседневным. Нынешние риски и опасности в общем и целом представляют собой продукт передовых промышленных технологий, и с их дальнейшим совершенствованием будут постоянно усиливаться [7; 8]. Так, например, террористические акты совершались и ранее, но сегодня они принимают глобальные масштабы и имеют совершенно иные социальные и политические последствия.

Одной из целей настоящего исследования является построение концептуальной модели взаимосвязи и взаимообусловленности социальных рисков, девиаций и социальной безопасности, которая реализуется на основе анализа социального механизма обеспечения социальной безопасности в контексте рассмотрения социальных рисков воспроизводства девиаций.

На основании вышеизложенного под «*социальным механизмом обеспечения социальной безопасности*» подразумевается устойчивая система взаимодействий социальных акторов разных типов и уровней данной системы, конечным результатом которых служит удовлетворение определенной общественной потребности (в частности, в противодействии распространения девиаций).

На фоне социальных изменений, происходящих в базовых институтах России, происходит и трансформация социальных практик в системе *обеспечения социальной безопасности*, нередко они расширяются, приобретают более многообразный характер и становятся органической частью новых общественных институтов.

Постоянное воспроизведение этого процесса свидетельствует о том, что в его основе лежит определенный социальный механизм, знание которого имеет большое практическое и теоретическое значение. Ниже делается попытка описать этот механизм, опираясь на представления, развитые в работах Т. И. Заславской и М. И. Шабановой (см.: [9]).

Концептуальная модель взаимосвязи и взаимообусловленности социальных рисков, девиаций и социальной безопасности реализуется на основе анализа социального механизма обеспечения социальной безопасности в контексте рассмотрения социальных рисков воспроизводства девиаций и включает в себя три уровня анализа: макроуровень (институциональный), мезоуровень (социально-групповой), микроуровень (индивидуальный) (рис.).

Макроуровень представлен *институциональной структурой общества*.

В левой части (см. рис.) расположен большой квадрат, изображающий институциональную структуру общества. Он включает в себя три основных элемента: формально-правовые и административные нормы, устанавливаемые и контролируемые государством (блок А), социокультурные нормы, контролируемые гражданским обществом (блок Б), и институционализованные социальные практики в сфере социального обслуживания (блок В, включающий в себя институционализованные и новые социальные практики).

Каркас каждого социального института составляют правовые нормы, формально зафиксированные в законах, подзаконных актах и других правовых документах (формально-правовые и административные нормы, устанавливаемые и контролируемые государством (блок А). Полнота, непротиворечивость и легитимность этих норм, их справедливость в глазах общества определяют социальное качество и эффективность института. Важно и качество контроля соблюдения правовых норм.

Вторым элементом социального института являются социокультурные нормы, регулирующие поведение социальных акторов в соответствующих сферах (блок Б). Соблюдение этих норм контролируется через культурные механизмы, общественное мнение и моральные оценки окружающих. Функционирование общественных институтов проявляется в социальных практиках — устойчивых системах взаимосвязанного и взаимно ориентированного поведения социальных субъектов. В данном случае речь идет о таких социальных практиках, результат которых способствует обеспечению социальной безопасности, противодействию распространению девиаций (употребления ПАВ — психоактивных веществ, наркотизации и т. д.). Причем не все социальные практики противодействия носят институциональный характер. Институционализируются преимущественно те из них, которые отличаются либо большей значимостью и массовостью, либо устойчивостью и традиционностью (связь 1). Именно такие практики составляют устойчивое ядро жизнедеятельности данного общества (блок В-1), в то время как недавно возникшие, сравнительно редкие, противоречащие существующему законодательству практики обычно представляют ее периферию (на схеме она изображена блоком В-2). Периферийные практики могут институционализироваться в случае изменения социокультурных или правовых норм или же исчезать как результат ужесточения институционального контроля.

Эффективность противодействия распространению девиаций (наркотизации и т. д.) на уровне институциональной структуры зависит от взаимного соответствия, во-первых, формальных и неформальных

норм (связь 2) и, во-вторых, норм и реальных практик (связи 1 и 3). Таким образом, жизненные силы социальных институтов (институциональные силы противодействия) складываются из правовых сил и социокультурных сил, потенциал которых необходим для удовлетворения общественной потребности (необходимое условие существования института), в том числе обеспечения социальной безопасности.

Мезоуровень (социально-групповой) процесса обеспечения социальной безопасности представлен двумя блоками. Блок Г отражает деятельность органов законодательной власти в области обеспечения социальной безопасности (в частности, противодействия распространению девиаций, наркотизации) (связь 4), ограниченную, тем не менее, формально-правовыми рамками (связь 5). Само по себе принятие новых законов еще не меняет как общественных практик, связанных с употреблением ПАВ, так и стратегий противодействия. Действительное внедрение новых правовых норм в общественную практику, координация действий по выполнению принимаемых программ в области обеспечения социальной безопасности (в частности, противодействия наркотизации и т. д.) является прямой функцией межведомственных комиссий по обеспечению социальной безопасности (в частности, противодействия распространению экстремизма, социально обусловленных заболеваний и т. д.), а также организаций федерального, регионального, муниципального уровней подчинения, государственного, частного, общественного секторов, которые как непосредственно, так и опосредованно включены в работу по обеспечению социальной безопасности (противодействию социально обусловленным заболеваниям, в том числе наркомании и т. д.) (блок Д). Деятельность учреждений, входящих в блок Д, контролируется политическими структурами и регулируется формально-правовыми нормами (связи 6 и 7) и одновременно влияет на них, предоставляя основания для модернизации существующего законодательства (связи 8 и 9).

Таким образом, на мезоуровне происходит законодательная и нормотворческая деятельность в сфере обеспечения социальной безопасности (борьбы с наркотизацией, экстремизмом, терроризмом и прочим), формируется политика в этой области, позволяющая организовать межсекторальное и межведомственное взаимодействие, а в качестве акторов противодействия выступают коллективные социальные субъекты, реализующие деятельность по основным направлениям:

— организационные и правовые меры обеспечения социальной безопасности (противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту и т. д.);

— профилактика социальных девиаций (злоупотребления наркотиками, алкоголизация и т. д.);

— лечение и реабилитация лиц, потребляющих наркотики без назначения врача;

— обеспечение контроля за производством и распределением наркотиков;

— пресечение незаконного оборота наркотиков;

— международное сотрудничество в области обеспечения социальной безопасности (борьбы с незаконным оборотом наркотиков, экстремизмом, терроризмом и т. д.). Эффективность обеспечения социальной безопасности на данном уровне зависит от степени развитости у акторов мезоуровня политических, организационно-административных, социально-экономических сил, специфики их взаимодействия друг с другом и с конкретным жизненным пространством.

Деятельность акторов мезоуровня формирует то социально-нормативное пространство, в котором протекает **деятельность рядовых сотрудников учреждений**, обеспечивающих социальную безопасность (блок Е), результаты которого учитываются акторами мезоуровня в своей деятельности (связи 10, 11), а также **реактивное поведение населения региона, девиантных групп**, также связанных с мезоуровнем (блок Ж, связи 12, 13) и представляющих *микроуровень* противодействия. Именно они завершают формирование реальных социальных практик в области обеспечения социальной безопасности (к примеру, противодействия наркотизации, и способствует либо не способствует уменьшению наркопотребления) (связь 14). Эффективность обеспечения социальной безопасности будет определяться тем, насколько данные социальные практики способствуют восстановлению и сохранению жизненных сил, физического, психологического, социального, духовного здоровья молодежи, препятствуют формированию и коррекции аномальной субъектности, адекватного взаимодействия по поводу средств жизнеосуществления и жизненного пространства.

Такой подход к выделению акторов и уровней социального механизма не совсем совпадает с подходом Т. И. Заславской и М. А. Шабановой, однако в данной модификации, по нашему мнению, существует некоторая эвристическая ценность. Подобное выделение уровней процесса обеспечения социальной безопасности делает возможным построение *континуума персонализации акторов*, на одном полюсе которого будет находиться институциональная структура как актор, в высшей степени деперсонифицированный, а на другом — конкретные люди, сотрудники учреждений, ведомств и организаций, население, обладающие определенным потенциалом жизненных сил, индивидуальной и социальной субъектностью, реализующие определенную деятельность в некотором жизненном пространстве.

Представленная структура социального механизма обеспечения социальной безопасности позволяет рассматривать систему факторов, определяющих эффективность социального механизма обеспечения соци-

альной безопасности. Дифференцируясь по уровням обеспечения социальной безопасности, указанные факторы являются свойствами и характеристиками деятельности социальных акторов и устойчивых взаимодействий между ними, которые обуславливают необходимость модернизации социального механизма обеспечения социальной безопасности.

На макроуровне система факторов социального механизма обеспечения социальной безопасности представлена совокупностью **институциональных факторов** (блок З). В их число входят факторы трех категорий:

— *фактор конфигурации социальных институтов* (какие конкретные социальные институты участвуют в процессе обеспечения социальной безопасности в контексте социальных рисков воспроизводства девиаций на том или ином этапе развития общества);

— *фактор легитимности* социального института, входящего в конфигурацию (насколько данный институт устойчив и способен оказывать организующее влияние на общественную жизнь);

— *нормативный фактор*, характеризующий существенные элементы социального института (формально-правовые и социокультурные нормы, институционализированные социальные практики).

На мезоуровне обеспечения социальной безопасности эффективность социального механизма определяется **политико-административными факторами** (блок И), в число которых входят:

— *идейно-политический фактор*, влияющий на законодательную и нормотворческую политическую деятельность;

— *организационно-административный фактор*, определяющий эффективность межведомственных и межсекторальных взаимодействий;

— *социально-экономический фактор*, связанный с распределением трудовых, финансовых, материальных ресурсов, необходимых для эффективного обеспечения социальной безопасности.

На микроуровне (индивидуальном) эффективность противодействия зависит от потенциала жизненных сил индивидуальных субъектов, их жизненных позиций и принципов, социальных установок и оценок распространения девиаций, рискованного поведения, методов борьбы с разного рода девиациями (наркотизацией и т. д.), что представляет собой **фактор человеческой активности** модернизации социального механизма обеспечения социальной безопасности, опосредующий и влияющий на функционирование механизма в целом¹ (блок К, связи 15–19).

Действие любого социального механизма разворачивается в определенных условиях, социальном контексте, содержание которого различается в зависимости

¹ В рамках данного исследования анализируются нормативный, организационно-административный и человеческий факторы.

сти от сущности самого механизма и от актуального развития всех сфер общественной жизни. Для социального механизма обеспечения социальной безопасности в качестве основного контекста взяты **социальные риски воспроизводства девиаций** (блок Л), включающие в себя следующие характеристики: масштаб распространения девиаций (наркотизации, алкоголизации, проституции и т. д.), социально-демографические и социокультурные характеристики девиантов, особенности формирования и основные характеристики социальных сетей потребителей наркотиков, работниц коммерческого секса и прочих, специфику рискованных поведенческих практик.

Обобщая рассмотренные положения, необходимо подчеркнуть, что концептуальная модель взаимосвязи и взаимообусловленности социальных рисков, девиаций и социальной безопасности реализуется на основе анализа социального механизма обеспечения социальной безопасности с позиций рассмотрения социальных рисков воспроизводства девиаций, трактуется в рамках структурно-функционального, институционального и деятельностного подходов, выполняет ряд важных методологических и методических функций ее использования:

- обеспечивает целостное видение процесса обеспечения социальной безопасности и социальных рисков воспроизводства девиаций;
- дает возможность представить модель противодействия рискам распространения девиаций в современном российском обществе;

- актуализирует междисциплинарные исследования социальных рисков, девиаций и социальной безопасности;
- помогает придать более системный и операциональный характер межрегиональным и международным сравнениям изучения социальных рисков, девиаций и социальной безопасности;
- позволяет сформулировать направления модернизации социального механизма обеспечения социальной безопасности;
- дает возможность разработать научно обоснованную систему мониторинга различных показателей социальных рисков воспроизводства девиаций;
- актуализирует *разработку концептуальных основ противодействия социальным рискам воспроизводства девиаций с позиций социальной безопасности населения в современной России*;
- позволяет разработать *систему мер по противодействию социальным рискам воспроизводства девиаций с позиций социальной безопасности населения в современной России*.

Такое комплексное социологическое исследование взаимосвязи и взаимообусловленности социальных рисков, девиаций и социальной безопасности, социального механизма ее обеспечения обладает значительным потенциалом для построения новых концептуально-теоретических и эмпирических моделей и может использоваться для анализа других проблем, касающихся социального здоровья, социальных патологий и девиаций.

Библиографический список

1. Максимова С.Г. Особенности функционирования и развития системы социального обслуживания лиц пожилого и старческого возраста в современном российском регионе : монография. — Барнаул, 2006.
2. Воробьев Ю.Л. Сервис безопасности — негосударственный сектор безопасности человека // Проблемы анализа риска. — 2008. — Т. 5, № 1.
3. Серебрянников В., Хлопьев А. Социальная безопасность России. — М., 1996.
4. Алехнович С.О. Механизмы реализации региональной безопасности в парадигме федеративного государства : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. — М., 2001.
5. Максимова С.Г., Авдеева Г.С., Гончарова Н.П. и др. Анализ риск-аспектов социального поведения населения Алтайского края // Известия Алт. гос. ун-та. — 2011. — № 2/2 (70).
6. Максимова С.Г., Гончарова Н.П., Ноязина О.Е. Особенности восприятия риска в структуре оценки личной и социальной безопасности // Известия Алт. гос. ун-та. — 2012. — № 2/1 (74).
7. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну : пер. с нем. В. Седельника и Н. Фёдоровой ; посл. А. Филиппова. — М., 2000.
8. Бек У. Что такое глобализация? / пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника ; общ. ред. и предисл. А. Филиппова. — М., 2001.
9. Заславская Т.И., Шабанова М.А. Социальные механизмы трансформации неправовых практик // Общественные науки и современность. — 2001. — № 5.